

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.10>

UDC 811.161.1'255.2
LBC 81.411.2-8

Submitted: 01.08.2018
Accepted: 30.08.2018

STRATEGIES OF REPORTING VERBS' INTERPRETATION IN MODERN RUSSIAN TRANSLATIONS OF FICTION

Anastasiya V. Urzha

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The research presented in the article focuses on the phenomenon of substituting reporting verbs that introduce direct speech (e.g. *say*) by words with emotive and evaluation meanings in Russian translations of fiction. The paper systematizes and describes grammatical, semantic and stylistic aspects of this phenomenon revealed in typology, studies of the Russian language, stylistics and translation studies up to nowadays. Two opposing views on the issue existing in Russian and European translation critics are presented in the paper: on the one hand, substitution of repeated reporting verbs by emotive ones helps to avoid tautology and monotonousness of the dialog frame, on the other hand, it interferes and distorts the semantics of the original. From the widespread linguocultural attitude, interpreting this issue as a domestication feature in translation, the author offers to shift to functional attitude, focusing on pragmatic effects of such substitutions. The material of the research is represented with the corpus of modern Russian translations of narratives for children. The results of the comparative analysis of texts and statistic data confirm that the substitution of reporting verbs by emotive words and nominations of gestures is regularly found in both domesticating and foreignizing translations, being connected mostly to the specific features of the target children audience and high emotiveness of the fragments where reporting verbs occur. These results enable us to adjust current estimations of the phenomenon in question in the translation assessment, adding functional view on its context and pragmatic effects.

Key words: translation, dialogue, reporting verb, emotiveness, gesture, domestication, foreignization.

Citation. Urzha A. V. Strategies of Reporting Verbs' Interpretation in Modern Russian Translations of Fiction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 117-128. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.10>

УДК 811.161.1'255.2
ББК 81.411.2-8

Дата поступления статьи: 01.08.2018
Дата принятия статьи: 30.08.2018

СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЛАГОЛОВ, ВВОДЯЩИХ РЕЧЬ, В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Анастасия Викторовна Уржа

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. В фокусе исследования – изменение семантики английских глаголов, вводящих прямую речь, при переводе художественных нарративов на русский язык. В статье аккумулированы, систематизированы (в грамматическом, семантическом и стилистическом ракурсах) представления ученых (русистов, типологов, переводоведов) о проблемах перевода глаголов, вводящих речь, с европейских языков на русский. В центре этого комплекса проблем – введение замен глаголов типа *say* в русских переводах, сопровождаемое эмоциональной и аксиологической конкретизацией и вызывающее прямо противоположные оценки отечественных и зарубежных критиков перевода. От наиболее распространенного сегодня лингвокультурологического аспекта исследования таких проблем предложено перейти к функционально-прагматическому аспекту. В качестве иллюстративного материала выбраны современные переводы на русский язык прозаических художественных произведений для детей. Сопоставительный анализ этих текстов, а также количественные данные позволили установить, что конкре-

тизирующие замены глаголов, вводящих прямую речь, использованы как в доместицирующих, так и в форенизирующих переводах, и обусловлены фактором адресата и эмотивной плотностью фрагментов произведения. Результаты исследования позволяют скорректировать характеристику конкретизирующих замен в переводоведении, актуализируя функциональный подход к изучению их контекста и прагматического эффекта.

Ключевые слова: перевод, диалог, речевой глагол, эмотивность, жест, доместикация, форенизация.

Цитирование. Уржа А. В. Стратегии интерпретации глаголов, вводящих речь, в современных русских переводах художественной прозы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 117–128. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.10>

Введение

Проблема семантической и стилистической интерпретации глаголов, вводящих прямую речь, при переводе на русский язык принадлежит к числу постоянно актуальных, вызывающих острые дискуссии, побуждает исследователей и критиков перевода высказывать прямо противоположные мнения, которые оказываются доминирующими в разные десятилетия и продолжают сосуществовать. Цель данной статьи – актуализировать и систематизировать представления о проблемах перевода глаголов, вводящих прямую речь, рассмотреть их в семантическом, стилистическом и синтаксическом ракурсах, опираясь на работы лингвистов (русистов и типологов) и переводоведов из разных стран, проанализировать предлагаемые решения переводоведческих проблем в функционально-прагматическом (а не только в традиционном лингвокультурологическом) ключе. Теоретико-методологические основания анализа усматриваются в положениях функциональных лингвистических и переводоведческих исследований, в частности, в положении о соотносительности формы, значения и функции языкового элемента в составе изучаемого целого, в приоритете внимания к функциональным связям между языковыми средствами, в том числе и разноуровневыми (А.В. Бондарко, М.В. Всеволодова, Т. Гивон, Г.А. Золотова, М.А.К. Холлидей и др.), в трактовке параллельных переводных текстов как составляющих «подготовленного, но при этом естественного эксперимента» [Федоров, 2002, с. 31], реализованного в контексте действия «фактора адресата» [Арутюнова, 1981, с. 356].

Типологи и переводоведы уже в работах середины XX в. отмечали, что языки различаются набором средств выражения эмотивности и активностью использования этих средств в аналогичных контекстах. К одному

из таких контекстов привлек внимание ученых Ю. Найда в книге «Towards a Science of Translating». Признавая, что разнообразие реализации эмотивных значений в языках существенно превосходит вариативность референциальных обозначений [Nida, 1964, p. 114], он отметил, что сам характер изложения событий в нарративных текстах может быть в различных культурах более или менее эмоциональным: в некоторых языках важным и обязательным компонентом стиля является четкое выражение отношения говорящего или повествователя к сообщаемому, например, в языке вайвай в текст должны быть включены модальные частицы, информирующие читателя об отношении к ситуации всех ее участников: рассматривают ли они событие, в которое вовлечены, с подозрением, иронией, считают ли его веселым или печальным [Nida, 1964, p. 222].

Переформулируя результаты наблюдений Ю. Найды в терминах современной функционально-коммуникативной грамматики, можно сказать, что сама модальная рамка, обрамляющая ретранслируемое сообщение, может быть более или менее эмоционально окрашенной в переводном тексте по сравнению с оригиналом [Золотова и др., 2004, с. 75]. Ярким примером тому становятся глаголы, вводящие речь персонажей художественного произведения. Именно эти языковые средства, представленные в контексте их возможных переводческих интерпретаций, и стали объектом нашего исследования.

Переводческие стратегии интерпретации глаголов, вводящих речь

В качестве вводного материала рассмотрим два варианта интерпретации фрагмента повести К.С. Льюиса «Племянник чародея» (Lewis) (см. табл. 1). Текст произведения на-

писан по-английски, его русские переводы с разницей в несколько десятилетий выполнили Н. Трауберг (Льюис, Трауберг) и Д. Афиногенов (Льюис, Афиногенов).

Сопоставление русских переводов на фоне оригинального фрагмента выявляет показательные тенденции: во фразах, вводящих диалог, К.С. Льюис 10 раз использует форму *said*, сопровождая ею каждую реплику персонажа. Н. Трауберг 7 раз воспроизводит в русском переводе эквивалент данной формы (*сказал, сказала*), единожды заменяет ее на форму *ответил* и дважды опускает комментирующую модусную рамку. В переводе Д. Афиногенова мы наблюдаем использование целой палитры глаголов речевого действия, различающихся по эмоциональной окраске. В некоторых случаях указание на речевое действие заменяется на обозначение собственно эмоции героя, при этом дополнительные семы, характеризующие каждый из выбранных переводчиком глаголов, взяты из контекста, обусловлены содержанием произнесенных и/или услышанных персонажем реплик.

Каждый из этих переводов заслужил внимание и симпатии читателей. Оба они представляют образцы профессионально выполнен-

ных художественных интерпретаций оригинала и отражает кропотливую переводческую работу и осознанную стратегию переложения авторских приемов. В чем же причина столь значительного расхождения текстов и каков прагматический эффект, созданный в двух версиях русских переводов?

Стилистические факторы, влияющие на выбор переводческой стратегии

Интерпретация глаголов, вводящих речь, в русском переводе сопряжена с рядом семантических и стилистических затруднений, обусловленных, как показано в работах типологов, переводоведов и этнопсихологов, целым рядом причин. Н.К. Гарбовский отмечает, что «для сопровождения реплик персонажей в диалогах английская дискурсивная норма отдает явное предпочтение глаголу *to say*... Известно, что русский художественно-литературный дискурс предполагает значительную вариативность в употреблении глаголов речи» [Гарбовский, 2011, с. 16]. Добавим, что с собственно речевыми глаголами без эмоционального компонента («*Как красиво!*» – *сказала она*) и

Таблица 1

Глаголы, вводящие речь, в повести К.С. Льюиса и ее переводах

Clive S. Lewis “The Magician’s Nephew”. Chapter One “The Wrong Door”	Пер. Н. Трауберг «Племянник чародея». Глава первая «О том, как дети ошиблись дверью»	Пер. Д. Афиногенова «Племянник чародея». Глава 1. «Другая дверь»
“Hullo,” said Polly. “Hullo,” said the boy. “What’s your name?” “Polly,” said Polly. “What’s yours?” “Digory,” said the boy. “I say, what a funny name!” said Polly. “It isn’t half so funny as Polly,” said Digory. “Yes it is,” said Polly. “No, it isn’t,” said Digory. “At any rate I do wash my face,” said Polly, “Which is what you need to do; especially after -” and then she stopped. She had been going to say “After you’ve been blubbing,” but she thought that wouldn’t be polite. “Alright, I have then,” said Digory in a much louder voice , like a boy who was so miserable that he didn’t care who knew he had been crying.	– Привет, мальчик, – сказала Полли. – Привет, – ответил мальчик. – Тебя как зовут? – Полли. А тебя? – Дигори. – Смешное имя, – сказала Полли. – Ничего смешного не вижу, – сказал мальчик. – А я вижу, – сказала Полли. – А я нет, – сказал мальчик. – Я по крайней мере умываюсь, – сказала Полли. – Умываться вообще полезно, особенно... ? Она хотела сказать «...после того, как поревешь», но решила, что это было бы невежливо. – Подумаешь, плакал! – громко сказал мальчик. Был он так расстроен, что уже не мог обижаться на какую-то девчонку.	– Здравствуйте! – поздоровалась Полли. – Привет, – ответил мальчик. – Тебя как звать? – Полли, – представилась она. – А вас? – Дигори, – буркнул он. – Какое смешное имя! – воскликнула Полли. – Полли еще смешнее, – проворчал Дигори. – А вот и нет! – обиделась Полли. – А вот и да! – По крайней мере, я-то по утрам умываюсь, – сказала Полли. – И вам тоже не мешало бы умыться, вон какой вы... – она хотела сказать «зареванный», но вовремя сообразила, что это будет невежливо. – Ну и ладно! – крикнул Дигори. Похоже, ему было все равно, догадается ли кто-нибудь о том, что он плакал, – так сильно он горевал.

с эмоциональным компонентом («Как красиво!» – воскликнула она) конкурируют глаголы и словосочетания, обозначающие эмоции («Как красиво!» – обрадовалась она), а также обороты, называющие кинемы [Шаховский, 2009, с. 99], то есть эмоциональные жесты и мимические движения («Как красиво!» – всплеснула руками она), и глаголы, характеризующие речевой акт («Красиво!» – высказала она наконец свою оценку).

Русская литература действительно изобилует примерами вариативности в употреблении глаголов речи. Рассмотрим один из фрагментов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», где реплики героев введены при помощи глаголов с разной семантикой:

– О господи! – **вырвалось** у Сони. <...>

– Гот дер бармгерциге! Я так и знала, что она вороваль! – **всплеснула руками** Амалия Ивановна.

– Вы так и знали? – **подхватил** Лужин, – стало быть, уже и прежде имели хотя бы некоторые основания так заключать. <...>

– Ка-а-к! – **вскрикнула** вдруг, опомнившись, Катерина Ивановна и – точно сорвалась – бросилась к Лужину, – как! Вы ее в покаяние обвиняете? Это Соню-то? Ах, подлецы, подлецы! <...>

И, выхватив у Сони бумажку, Катерина Ивановна скомкала ее в руках и бросила наотмашь прямо в лицо Лужина. Катышек попал в глаз и отскочил на пол. Петр Петрович рассердился.

– Удержите эту сумасшедшую! – **закричал** он. <...>

– Как! Сумасшедшую? Это я-то сумасшедшая? Дуррак! – **взвизгнула** Катерина Ивановна. – Сам ты дурак, крючок судейский, низкий человек! (Достоевский, 1982, с. 382–383).

Исследователи отмечают, что разнообразие средств, вводящих речь персонажей, позволяет автору в данном случае не только создать яркие, нешаблонные образы героев, но и «сконцентрировать внимание читателя на движении, жесте во время разговора. Писатель постоянно меняет ракурс изображаемого и предлагает читателю смотреть на героя с той стороны, с какой это наиболее важно в данный момент» [Захарова, 2006, с. 140].

Однородность же средств, вводящих речь персонажей, нередко используется в русской прозе со специфической целью, например, для имитации детского нарратива (как в рассказе

В.Ю. Драгунского «Зеленчатые леопарды», где ребенок пересказывает диалог друзей):

Мишка **сказал**:

– Надо вырыть боковой ход – под ракету, чтоб, когда она будет взлетать, газ бы вышел по этому ходу.

И мы стали опять рыть и копать и довольно быстро устали, потому что там было много камней.

Аленка **сказала**:

– Я устала! Перекур!

А Мишка **сказал**:

– Правильно.

И мы стали отдыхать (Драгунский, 2011, с. 157).

Явления тавтологии и плеоназма в русском языке, так же как и в английском, находятся в сложных отношениях с литературной нормой: большинство таких сочетаний объявляются стилистически некорректными, однако немалое их количество входит в языковой узус, реализуя специфические прагматические цели говорящего (*истинная правда, пережиток прошлого, полный аншлаг, absolutely essential, basic fundamentals, unexpected emergency*) или представляя собой общепринятые клише (*идти пешком, в мае месяце, towns and cities, sick and tired*) [Бурухин, 2012; Зайц, 2001; Остапенко, 2011]. Нередко допустимые в одном языке плеоназмы оказываются неприемлемыми в другом и потому не воспроизводятся при переводе. Многократное повторение одного и того же глагола при введении реплик персонажей не вызывает неприятия у англоязычных читателей, тогда как русскоязычная аудитория склонна трактовать это явление либо как тавтологию, либо как специальную стилистически окрашенную нарративную стратегию.

Семантические и грамматические факторы, обуславливающие варьирование глаголов речи в переводе

Различия в использовании глаголов, вводящих речь, связано также с особенностями семантического и грамматического устройства русского и английского языков. Об этих особенностях пишет А. Вежбицкая: «В английском языке эмоции чаще передаются прилагательными или псевдопричастиями, чем глаголами: *Mary was sad, pleased, afraid, angry, happy, disgusted, glad, etc.* Напротив,

глаголы эмоций подразумевают более активную роль субъекта. Любопытно, что в английском языке подобного рода непереходных глаголов мало: *worry*, *grieve*, *rejoice*, *pine* и еще несколько. Англичанам не свойственно “отдаваться” чувствам. Сама культура побуждает их *be glad*, а не *rejoice*, *be sad*, но не *pine* и *be angry* скорее, чем *fume* или *rage* и т. д.» [Вежбицкая, 1996, с. 41]. Исследователь отмечает, что в отличие от английского, русский язык «исключительно богат “активными” эмоциональными глаголами» [Вежбицкая, 1996, с. 42]. Активность она видит, в частности, в том, что многие из них способны вводить в текст прямую речь: «В английском языке тоже есть глаголы, которые могут использоваться для интерпретации речи человека в виде одной из форм проявления чувств. К ним относятся, например, *enthuse* ‘прийти в восторг’, *exult* ‘ликовать, торжествовать’, *moan* ‘стонать’ или *fume* ‘кипеть; волноваться, раздражаться’. “No prince has ever known the power that I have!” Nero exulted. Как правило, однако, такие глаголы имеют чуть негативные или иронические коннотации и в равной мере подчеркивают эмоцию и манеру речи. Русские же глаголы чувств типа *удивляться* или *обрадоваться* используются как “чисто” речевые, а не как глаголы способа ведения речи. В этом я вижу еще одно проявление упомянутого выше культурного различия: англосаксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств, между тем как русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи» [Вежбицкая, 1996, с. 43].

Охарактеризованные выше семантические, грамматические и стилистические факторы объясняют появление в русских переводах англоязычных художественных текстов разнообразных глаголов с эмотивными и оценочными семами вместо глагола *say* (как в приведенном выше фрагменте перевода Д. Афиногенова). Это явление было замечено переводоведами достаточно давно, и основные научные труды советского времени не противоречили друг другу в его трактовке, «вписывая» такие замены в контекст более общей закономерности. Так, Я.И. Рецкер отмечал:

«Сопоставление переводов с любого из западноевропейских языков на русский показывает, что сплошь да рядом вместо стилистически нейтральных слов подлинника в переводе появляются экспрессивно окрашенные русские слова. <...> Наряду с более ярко выраженной экспрессивностью русская лексика отличается большей конкретностью» [Рецкер, 2007, с. 133]. Например, фраза *She jumped out of the chair and ran to the corner* может быть переведена как *Она прыгнула с кресла и кинулась в угол* или как *Она сорвалась с кресла и бросилась в угол* и т. п. Я.И. Рецкер охарактеризовал описанное явление как «экспрессивно-эмоциональную конкретизацию» значения фразы при переводе на русский язык.

Откуда же берутся конкретизирующие семы? Ответ на этот вопрос можно найти в работе В.Г. Гака «Беседы о французском слове»: «Выбор выразительного слова объясняется нередко выразительностью соседнего слова или более широкого контекста. В русском языке экспрессивно-стилистическое согласование – один из законов словоупотребления» [Гак, 1966, с. 129]. Л.С. Бархударов в разделе книги «Язык и перевод», посвященном явлению конкретизации при лексических заменах, выбирает в качестве показательного материала английские глаголы *say* и *tell*, иллюстрируя разнообразные возможности их интерпретации в переводе романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (J.D. Salinger. *The Catcher in the Rye*), созданном Р. Райт-Ковалевой – одним из мастеров советской школы перевода [Бархударов, 1975, с. 210]. На выбранный исследователем материал следует обратить особое внимание, переходя к следующему аспекту изучаемой нами проблемы интерпретации глаголов, вводящих речь – а именно к ее квалификации в сфере критики перевода.

Изменение взглядов на конкретизирующие замены в критике перевода

Наиболее активно дискуссия о правомерности конкретизирующих замен глаголов речи при переводе на русский язык не одно десятилетие разворачивалась (и продолжает разворачиваться) в сфере критики перевода.

Взгляды сторонников и противников данной переводческой стратегии могут быть описаны в контексте концептуальных оппозиций, которые мы сформулируем ниже.

Один из «полюсов» оценки описываемого явления можно обнаружить в высказываниях М. Горького (фактического руководителя проекта по созданию библиотеки всемирной литературы в СССР в 20-е гг. XX в.), о которых говорит И. Левый в монографии «Искусство перевода»: «Переводчики недостаточно используют синонимические богатства языка для того, чтобы разнообразить речь. Уже М. Горький указывал, что русский переводчик охотнее всего сопровождает прямую речь персонажей словом *говорит*, и добавлял, что это небрежность или безграмотность. Ведь у этого словечка на русском языке существует целый ряд синонимов: *сказал, заметил, отозвался, откликнулся, повторил, молвил, добавил, воскликнул, заявил, дополнил* и т. д. <...> Большинству профессиональных переводчиков сегодня уже ясно, что стереотипная английская конструкция с помощью глагола *said* представляет собой всего лишь приметку диалога, свойственную английской литературе, и они варьируют большинство ремарок» [Левый, 1974, с. 161–162].

Отметим, однако, что, отчасти соглашаясь с позицией Горького, И. Левый делает существенную оговорку: «Подобные решения иногда приводят к избытку лексических вариаций в случаях, где повторение носит функциональный характер. Наряду со стилистами типа Флобера, которые были более всего озабочены разнообразием выражений, существуют стилисты, для которых характерна *лейтмотивность* литературной ткани (вот несколько взятых наудачу имен, – такие различные писатели, как Б. Джонсон, Н. Готорн, Т.С. Элиот и Ф. Кафка), и переводчики в этом случае иногда разрушают повтор, не осознав его функции» [Левый, 1974, с. 162].

Другой «полюс» в оценке конкретизирующих замен при переводе на русский язык мы обнаруживаем в работах западноевропейских исследователей последней трети XX века. Так, С. Скотт в статье 1977 г. «Karlsson på taket i gysk översättning» («Карлсон на крыше в русском переводе»), отмечает, что советские переводчики, вольно обращаясь с текстом

оригинала, систематически заменяют слово *сказал*, доминирующее в оригинальном тексте А. Линдгрена, словами *спросил, ответил, воскликнул, вздохнул* и даже оборотами типа *воскликнул Карлсон, тыча себя в грудь* – там, где было лишь *сказал Карлсон* [Skott, 1977, p. 121]. По мнению автора статьи, такие замены представляют собой недопустимые изменения, свидетельствующие о некорректном подходе переводчика к своей задаче. Подчеркнем, что объектом критики в данном случае стал известнейший перевод Л. Лунгиной, которая, так же как и Р. Райт-Ковалева, принадлежала к плеяде переводчиков так называемой «советской школы». Те самые приемы, которые отечественные критики и переводоведы считали удачной творческой находкой, корректным преобразованием текста в соответствии с требованиями русской стилистики, в зарубежной критике объявлялись грубым нарушением, произвольным искажением оригинала.

Позиция по отношению к контекстуальным заменам глаголов, вводящих речь в русских переводах, стала своеобразной лакмусовой бумажкой в борьбе двух переводческих концепций, охарактеризованных еще И.-В. Гете и Ф. Шлейермахером и названных Л. Венути доместикацией и форенизацией [Schleiermacher, 1963; Venuti, 1995]. Принято считать, что доместикация (как подход, при котором переводчик «переносит» автора к читателю, интерпретируя его текст в соответствии с нормами принимающего языка) допускает и даже поощряет варьирование глаголов речи при переводе (ср. с позицией М. Горького). При использовании форенизации предполагается сохранение структуры оригинала, даже если она не совсем обычна для принимающего языка. В этом случае интерпретатор «переносит» читателя к автору, текст выглядит как переводной, принадлежащий иной культуре. Именно с форенизирующим переводом чаще связывается установка на повторение глаголов, вводящих речь, в соответствии с устройством оригинального текста.

Попытку подвести промежуточный итог дискуссии критиков предпринял израильский ученый И. Эвен-Зохар в работе «Depletion and Shift», посвященной важным в функциональном плане элементам текста, степень семан-

тической наполненности которых обусловлена национально-культурной спецификой – незаметной для читателей оригинала, но актуализируемой при переводе. Речь идет о частицах, междометиях, обозначениях конвенциональных жестов, а также о глаголах, вводящих речь. И. Эвен-Зохар отмечает, что если иностранный читатель будет делать выводы об эмоциональном поведении представителей другого народа, опираясь на семантику глаголов, вводящих речь, в произведениях на соответствующем языке, то он предположит, что, например, «французы чаще восклицают, русские – вздыхают и смеются», сделав поверхностные выводы. На самом деле обнаруженные различия будут обусловлены ролью глаголов, вводящих речь, в конкретных текстах, на фоне их нормативного функционирования в языке исходной и принимающей культуры. И. Эвен-Зохар пишет о том, что, когда русские переводчики заставляют персонажей так часто вздыхать, это вовсе не значит, что вздохи в русском обществе более распространены: если бы это было так, что бы мы делали с французским *s'écria-t-il*, постоянно вводящим прямую речь, или со столь частыми упоминаниями звуков смеха в русской художественной литературе? Можно ли сказать, что русские чаще вздыхают во время разговора, поскольку их судьба тяжелее других, и в то же время что они чаще готовы засмеяться (тем более что этот смех по большей части опускается в переводах на западноевропейские языки)? Очевидно, что И. Эвен-Зохар, будучи семиологом не удовлетворен такой аргументацией, хотя и не исключал того, что она может встретиться в анализе художественных текстов [Even-Zohar, 1990, p. 214]. Принимающая литература, по словам И. Эвен-Зохара, всегда стремится дать глаголам подобного типа конвенциональное окружение – указания на те жесты и другие сопровождающие речь явления, которые типичны для данной культуры. Цель такого языкового окружения в русских переводах – сделать изображаемую ситуацию менее монотонной для нового читателя. Не склоняясь, таким образом, ни к одной из противоборствующих позиций, И. Эвен-Зохар переводит решение вопроса в функциональный план, обращая внимание на степень нормативности употребления глаголов, вводя-

щих речь, в том или ином оригинальном тексте – именно эта степень нормативности в рамках исходной культуры и должна быть учтена при переводе.

**Роль фактора адресата
и эмотивной плотности текста
при интерпретации глаголов,
вводящих речь,
в современных переводах**

Развивая идею функционального подхода к рассматриваемой проблеме, включим в анализ фактор адресата – то есть представление о типе целевой аудитории, на которую ориентирован перевод. Если перевод для взрослых предполагает в первую очередь знакомство с новым текстом из другой культуры (и форенизирующий подход здесь оказывается обоснованным), то для детей, в особенности для детей младшего возраста, он осваивается в контексте общего процесса знакомства юных читателей с нормами родного языка. Как поступать в этом случае? Радикальное предложение всегда «переводить, как в оригинале» и постепенно приучить читателей к тому, что многократное повторение слова *сказал* не так уж и плохо (то есть изменить восприятие стилистики текста на русском языке в этой зоне), уже звучит в переводческой среде, однако сопоставительный анализ новых переводов англоязычных произведений для детей демонстрирует более сложные решения.

Сопоставляя три русских перевода сказки Р. Даля (в другой транслитерации – Дала) «Fantastic Mr. Fox» (Dahl), выполненных в новом тысячелетии, можно заметить, что каждый из переводчиков – А. Нестеров (Дал, Нестеров), Н. Кастальская (Даль, Кастальская) и Е. Суриц (Даль, Суриц) – придерживается продуманной стратегии интерпретации сказочного текста, ориентируясь на восприятие детской аудитории. При этом в вариантах И. Кастальской («Фантастический мистер Фокс») и А. Нестерова («Потрясающий мистер Лис») обнаруживаются приемы, которые могут побудить современного исследователя охарактеризовать их как форенизирующие: И. Кастальская сохраняет «иностранное звучание» имен главных героев (*Фокс, Боггис,*

Банс, Бин), избегает вкраплений и изыятий в тексте, по возможности следуя за строением оригинала. А. Нестеров, единственный из трех переводчиков, сохраняет в переводе английские единицы измерения (*галлоны, ярды, мили, дюймы, футы*), тогда как в других вариантах вместо них мы встречаем *литры, метры, сантиметры, шаги, километры*, а у Е. Суриц – даже *версты*. Перевод последней явно наделен domestизирующими чертами: герои имеют русские имена и прозвища (*Лис, он же Лисуш, Шар, Шок, Шип*), в повествовании используются типичные сказочные обороты (*жили – не тужили*), идиомы (*береженого бог бережет, комар носу не подточит*) и даже знакомые русским детям интертекстуальные отсылки (*ниф-наф-ой-ой-ой!*) [Михайлова, 2017].

Можно предположить, что и в интерпретации глаголов, вводящих речь, три перевода представят соответствующие тенденции, однако это не так. Ни один из русских текстов не дублирует в этом отношении оригинал: если у Р. Даля глагол *said* используется в сказке 149 раз, то его эквивалент *сказал* у Е. Суриц встречается 88 раз, у И. Кастальской – 42 раза, у А. Нестерова – всего 13 раз. В остальных случаях переводчики используют конкретизирующие замены или опускают глагол, нагружая контекст (см. табл. 2).

Все три переводчика для введения речи в нарратив используют глаголы, обозначающие эмоции говорящего, его жесты и мимические движения, общие характеристики речевого акта. Интересно, что именно у Е. Суриц, чаще других использовавшей форму *сказал*, мы встречаем и наиболее нетривиальную интерпретацию глагола *said* – *пошипел*, формирующую аллитерацию с именем собственным *Шип*, предложенным переводчицей. Эти наблюдения в совокупности с количественными данными свидетельствуют от том, что использование переводчиками конкретизирующих замен глагола *said* не связано жестко с предпочтением ими форенизирующего или domestизирующего подхода. По-видимому, варьирование глаголов, вводящих речь персонажей, обусловлено фактором адресата – оно оказывается значительным при создании переводов для детей: половина (или большая часть) повторов формы *said* нивелируется, подчиняясь «закону экспрессивно-стилистического согласования» глаголов, вводящих речь, с эмоциональной и оценочной окраской контекста.

Не менее важным фактором для перевода является «эмотивная плотность» текста (или фрагмента текста) [Шаховский, 2009, с. 151], в котором вводится прямая речь. Под этим термином понимается степень насыщен-

Таблица 2

Глаголы, вводящие речь, в сказке Р. Даля и ее переводах

R. Dahl “Fantastic Mr.Fox”	А. Нестеров «Потрясающий мистер Лис»	И. Кастальская «Фантастический мистер Фокс»	Е. Суриц «Изумительный мистер Лис»
“Shut up and listen,” said Bean.	«Заткнись и слушай», – процедил Бин.	– Заткнись и слушай, – рявкнул Бин.	– А вы помолчите и выслушайте, – пошипел Шип.
“We’re sending you down the hole to fetch him up,” said Bean. “Down you go, you miserable midget!”	«Теперь? – взорвался Бин. – Теперь мы спустим тебя в нору, и ты схватишь лиса».	– Мы пошлем тебя за ним в нору, – ответил Бин. – Спускайся, ты, жалкий липупт!	– А вот мы вас и отправим за ним в нору! – пошипел Шип. – А ну, живо вниз, карлик несчастный!
“Now do be careful,” said Mrs. Fox.	«Но – будь осторожен, слышишь?» – забеспоколась миссис Лис.	– Только, пожалуйста, будь осторожен, – предупредила миссис Фокс.	–Только умоляю тебя, будь поосторожней, – сказала миссис Лис.
“Now who in the world would build a wall under the ground?” asked Badger.	«Ради всего святого, скажи мне: кто и зачем строит стены под землей?» – удивился Барсук.	– Кому могло прийти в голову построить стену под землей? – недоумевал Барсук.	– Господи, и кому взбрело в голову строить стену под землей? – возмутился Барсук.
“Good Lord!” said Badger. “It’s Rat!” “You saucy beast!” said Mr. Fox.	«Господи Боже, – пробормотал Барсук. – Да это же Крысак!» «Эй, злюка!» – усмехнулся мистер Лис.	– Боже правый! – ахнул Барсук. – Крыса! Ах ты, нахалка! – воскликнул мистер Фокс.	– Господи! – ахнул Барсук. – Это же Крыс! – Ах ты, наглая тварь, – сказал мистер Лис.

ности текста эмотивными смыслами, реализованными при помощи эмоционально и оценочно окрашенных слов, а также интенсификаторов. Фактором повышения эмотивной плотности фрагмента текста становится, по мнению В.И. Шаховского, конвергенция эмоций, то есть ситуация их комплексной реализации, при которой одна вызывает другую. Если мы сравним отрывок из «Племянника чародея», приведенный в начале статьи, с фрагментами из «Изумительного мистера Лиса», то увидим, что во втором тексте речь персонажей сопровождается более динамичными событиями, резкие повороты сюжета, вызывающие у персонажей бурную реакцию, тогда как в первом тексте перед нами – диалог при знакомстве. Однообразие средств, вводящих речь, в русском переводе «отодвигает» модусную рамку диалога в область фона [Уржа, 2012], делает ее менее заметной для читателя.

Выводы

Сравнительное исследование трудов типологов, русистов и переводоведов, а также сопоставительный лингвистический и количественный анализ вариантов перевода выбранных текстов позволяют нам сделать следующие выводы.

1. Варьирование глаголов, вводящих прямую речь, в русском переводе обусловлено целым рядом факторов: грамматических (синтаксическая «активность» русских глаголов, обозначающих чувства, эмоции, эмоциональные жесты и мимические движения; их регулярное использование для введения прямой речи), семантических (тенденция к «экспрессивно-эмоциональной конкретизации» значения фразы при переводе) и стилистических (негативная реакция на тавтологичность диалогической рамки, действие «закона экспрессивно-стилистического согласования» глаголов, вводящих речь, с эмоциональной и оценочной окраской контекста).

2. В сфере критики перевода представлен целый спектр оценок конкретизирующих замен речевых глаголов: от максимально позитивной, приветствующей преобразование текста в соответствии с требованиями русской стилистики, до максимально негативной, трактующей подобные явления как произвольное искаже-

ние оригинала. Обоснованным представляется подход, призывающий переводчиков избегать лексических вариаций в случаях, когда повторение имеет функциональный характер, является частью нарративной стратегии, а также учитывать нормативность употребления глаголов, вводящих речь, в оригинальном тексте, в рамках исходной культуры.

3. Варьирование глаголов, вводящих речь, в русских переводах, тесно связываемое в лингвокультурологических исследованиях с тенденциями к доместикации при интерпретации текста, на практике в значительной степени обусловлено фактором адресата и эмотивной плотностью конкретных фрагментов произведения. Именно поэтому переводчики, придерживающиеся как форенизирующих, так и доместицирующих стратегий, прибегают к конкретизации глагола *say* в переводах для детей в рамках эмотивно и оценочно насыщенных контекстов. Прагматическим эффектом таких замен становится экспликация эмоционального фона диалога, привлечение к нему читательского внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1981. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40, № 4. С. 356–367.
- Бархударов Л. С., 1975. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международные отношения. 240 с.
- Бурухин А. Н., 2012. Специфика функционирования плеоназмов в английском языке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. № 2. С. 99–105.
- Вежбицкая А., 1996. Язык. Культура. Познание / отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Русские словари. 416 с.
- Гак В. Г., 1966. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М. : Международные отношения. 335 с.
- Гарбовский Н. К., 2011. Перевод и «переводной дискурс» // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 4. С. 3–19.
- Зайц О. А., 2001. Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 185 с.
- Захарова О. А., 2006. Глаголы, вводящие речь, как характеристика образа автора и образа рито-

- ра (на материале произведений Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и «Дневник писателя») : дис. ... канд. филол. наук. М. 163 с.
- Золотова и др., 2004. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. 2-е изд. М. : Изд-во филол. фак. МГУ. 544 с.
- Левый И., 1974. Искусство перевода / пер. с чеш. В. Россельса. М. : Прогресс. 398 с.
- Михайлова С. А., 2017. Переводческая стратегия доместики как способ реализации фактора адресата в переводе сказки Р. Дала «Изумительный мистер Лис» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс]. Т. 1. М. : МАКС Пресс, 2017. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. 1186 Мб.
- Остапенко Т. С., 2011. Причины возникновения тавтологических выражений в речи говорящего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2. С. 15–18.
- Рецкер Я. И., 2007. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. М. : Р. Валент. 240 с.
- Уржа А. В., 2012. Применение ‘Theory of Grounding’ в изучении синтаксиса и стиля русских переводов прозаического текста // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 6. С. 197–212.
- Федоров А. В., 2002. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. М. : ООО Изд. дом «Филология три». 416 с.
- Шаховский В. И., 2009. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 208 с.
- Even-Zohar I., 1990. ‘Reality’ and Realemes in Narrative // Polysystem Studies. Poetics Today. № 11 (1). P. 207–218.
- Nida E., 1964. Towards a Science of Translation. With Special Reference to Principles and Procedures involved in Bible Translating. Leiden : Brill. 332 p.
- Schleiermacher F. D., 1963. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens (1813) // Das Problem des Übersetzens. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft. S. 38–70.
- Skott S., 1977. Karlsson på taket i rysk översättning // En bok om Astrid Lindgren / ed. by M. Örvig. Stockholm : Rabén and Sjögren. S. 84–132.
- Venuti L., 1995. The Translator’s Invisibility: A History of Translation. London ; New York : Routledge. 353 p.

ИСТОЧНИКИ

- Дал, Нестеров* – Дал Р. Потрясающий мистер Лис. Очень английская сказка / пер. с англ. А. Нестерова. М. : Айрис-Пресс, 2002. 128 с.
- Даль, Суриц* – Даль Р. Изумительный мистер Лис / пер. с англ. Е. Суриц. М. : Самокат, 2012. 96 с.
- Даль, Кастальская* – Даль Р. Фантастический мистер Фокс / пер. с англ. И. Кастальской. М. : Захаров, 2004. 112 с.
- Достоевский* – Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Собр. соч. : в 12 т. / под ред. Г. М. Фридендера, М. Б. Храпченко. Т. 5. М. : Правда, 1982. 544 с.
- Драгунский* – Драгунский В. Ю. Зеленчатые леопарды // Все Денискины рассказы в одной книге: Повести и рассказы. М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2011. 638 с.
- Льюис, Афиногенов* – Льюис К. С. Племянник чародея / пер. с англ. Д. Афиногенова // Хроники Нарнии : в 3 кн. Кн. 1. М. : Эксмо-Пресс, 2000. С. 5–128.
- Льюис, Трауберг* – Льюис К. С. Племянник чародея / пер. с англ. Н. Трауберг // Хроники Нарнии. М. : Космополис, 1991. С. 21–94.
- Dahl* – Dahl R. Fantastic Mr. Fox. London : Puffin Books, 1970. 102 p.
- Lewis* – Lewis C. S. The Magician’s Nephew // Chronicles of Narnia. New York : Scholastic Incorporated. 1988. 186 p.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1981. Factor of Addressee. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 40, no. 4, pp. 356–367.
- Barkhudarov L.S., 1975. *Language and Translation (Issues of General and Special Theory of Translation)*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 240 p.
- Burukhin A.N., 2012. Specificity of Pleonasm Functioning in the English Language. *Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* [Proceedings of South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogic], no. 2, pp. 99–105.
- Wierzbicka A., 1996. *Language. Culture. Cognition*. Moscow, Russkie slovari Publ. 416 p.
- Gak V.G., 1966. *Discussions about French Words. From Comparative Lexicology of French and Russian*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 335 p.
- Garbovskiy N.K., 2011. Translation and ‘Translated Discourse’. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22, Teoriya perevoda*, no. 4, pp. 3–19.

- Zayts O.A., 2001. *Semantics and Pragmatics of Tautology and Pleonasm*. Cand. philol. sci. diss. Saint Petersburg. 185 p.
- Zakharova O.A., 2006. *Reporting Verbs as a Characteristic of the Author's Image and the Speaker's Image (On the Material of Crime and Punishment, The Brothers Karamazov and A Writer's Diary by F.M. Dostoevsky)*. Cand. philol. sci. diss. Moscow. 163 p.
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu., 2004. *Communicative Grammar of the Russian Language*. Moscow, Izd. filol. f-ta MGU. 544 p.
- Levy I., 1974. *The Art of Translation*. Moscow, Progress Publ. 398 p.
- Mikhailova S.A., 2017. Translation Strategy of Domestication as a Way of Realizing the Factor of the Addressee in Translation of R. Dahl's Tale *Fantastic Mr. Fox*. Aleshkovskiy I.A., Andriyanov A.V., Antipov E.A., eds. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2017»*. Moscow, MAKSPress, 2017.
- Ostapenko T.S., 2011. Reasons for Appearance of Tautological Expressions in Speech. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 15-18.
- Retsker Ya.I., 2007. *Theory and Practice of Translation. Essays on the Linguistic Theory of Translation*. Moscow, R. Valent Publ. 240 p.
- Urzha A.V., 2012. Application of the Theory of Grounding in the Study of Syntax and Style of Russian Translations of Prose Texts. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], no. 6, pp. 197-212.
- Fedorov A.V., 2002. *Foundations of the General Theory of Translation (Linguistic Issues)*. Moscow, Filologiya tri Publ. 416 p.
- Shakhovskiy V.I., 2009. *Categorisation of Emotions in the Lexical and Semantic System of Language*. Moscow, LIBROKOM Publ. 208 p.
- Even-Zohar I., 1990. 'Reality' and Realemes in Narrative. *Polysystem Studies. Poetics Today*, no. 11 (1), pp. 207-218.
- Nida E., 1964. *Towards a Science of Translation. With Special Reference to Principles and Procedures involved in Bible Translating*. Leiden, Brill. 332 p.
- Schleiermacher F. D., 1963. Über die verschiedenen Methoden des Ibersetzens (1813). *Das Problem des Ibersetzens*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, pp. 38-70.
- Skott S., 1977. Karlsson på taket i rysk översättning. Örvig M., ed. *En bok om Astrid Lindgren*. Stockholm, Rabén and Sjögren, pp. 84-132.
- Venuti L., 1995. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London; New York, Routledge. 353 p.

SOURCES

- Dal R., 2002. *Fantastic Mr Fox. Very English Tale*. Transl. by A. Nesterov. Moscow, Ayris Press. 128 p.
- Dal R., 2012. *Fantastic Mr Fox*. Transl. by E. Surits. Moscow, Samokat Publ. 96 p.
- Dal R., 2004. *Fantastic Mr Fox*. Transl. by I. Kastalskaya. Moscow, Zakharov Publ., 2004. 112 p.
- Dostoevskiy F.M., 1982. *Crime and Punishment*. Fridlender G.M., Khrapchenko M.B., eds. *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collected Works in 12 Volumes]. Moscow, Pravda Publ., vol. 5. 544 p.
- Dragunskiy V.Yu., 2011. *Brilliant Green Leopards. Vse Deniskiny rasskazy v odnoy knige: Povesti i rasskazy*. Moscow, Astrel; AST Publ. 638 p.
- Lewis C.S., 2000. *The Magician's Nephew*. Transl. by D. Afinogenov. *Khroniki Narnii* [Chronicles of Narnia]. Moscow, Eksmo-Press, Book 1, pp. 5-128.
- Lewis C.S., 1991. *The Magician's Nephew* [The Magician's Nephew]. Transl. by N. Trauberg. *Khroniki Narnii* [Chronicles of Narnia]. Moscow, Kosmopolis Publ., pp. 21-94.
- Dahl R. *Fantastic Mr. Fox*. London, Puffin Books, 1970. 102 p.
- Lewis C.S., 1988. *The Magician's Nephew. Chronicles of Narnia*. New York, Scholastic Incorporated. 186 p.

Information about the Author

Anastasiya V. Urzha, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 119991 Moscow, GSP-1, Russia, English2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>

Информация об авторе

Анастасия Викторовна Уржа, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, ГСП-1, Россия, English2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>